

**ИЕРЕМИЯ (СОЛОВЬЕВ) -
ЕПИСКОП КАВКАЗСКИЙ И ЧЕРНОМОРСКИЙ
(1799 –1884 г.)**

В данной публикации представлен биографический очерк о епископе Кавказском и Черноморском Иеремии (Соловьеве), составленный священником Алексеем Воскресенским и опубликованный в Ставропольских епархиальных ведомостях (№ 11. 1907 г. 1 июня. С. 589-603; № 12. 1907 г. 16 июня. С. 645-658).

Иеремия (в миру Иродион Иванович Соловьев, в схиме Иоанн), епископ Нижегородский и Арзамасский, родился 10 апреля 1799 года в семье пономаря села Георгиевского Ливенского уезда Орловской губернии. С 1810 года обучался в Орловской (Севской) духовной семинарии. 10 сентября 1820 года, вскоре после окончания семинарии, определен учителем греческого языка и инспектором в Севское духовное училище.

14 августа 1827 года по окончании академии рукоположен во иеромонаха и назначен законоучителем 2-го кадетского корпуса.

В 1828 году причислен к соборным иеромонахам Александро-Невской лавры.

7 сентября 1829 года назначен бакалавром Санкт-Петербургской духовной академии.

2 сентября 1830 года перемещен инспектором Киевской духовной академии и 5 октября того же года возведен в сан архимандрита.

С 30 января 1831 года — экстраординарный профессор богословия.

6 июня 1834 года утвержден ректором Киевской духовной семинарии и членом духовной консистории, а 21 августа назначен настоятелем Киевского Выдубицкого монастыря.

В 1837 году обозревал монастыри Киевской епархии и назначен председателем Комитета по устройению Киево-Софийского духовного училища.

С 6 ноября 1839 года — ректор Киевской духовной академии и настоятель Киево-Братского училищного монастыря.

6 апреля 1841 года хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской митрополии.

2 января 1843 года переведен епископом Кавказским и Черноморским.

С 20 ноября 1849 года — епископ Полтавский и Переяславский.

19 декабря 1850 года перемещен на кафедру Нижегородскую.

17 июня 1857 года уволен на покой в Нижегородский Печерский монастырь.

В 1860 году тайно принял схиму с именем Иоанн.

15 февраля 1864 года назначен настоятелем Нового монастыря на Алтае и начальником Алтайской духовной миссии, но к месту назначения по старости не поехал.

Скончался 6 декабря 1884 года. Погребен в Благовещенском Нижегородском монастыре.

Библиографический список трудов епископа Иеремии

1. Сокровища сельских духовных уроков (в извлечении).
2. Воспоминания преосвященного Иеремии о высокопреосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском // Виноградов И. З., протоиерей. Преосвященнейший Иеремия, епископ Нижегородский, и воспоминания его о преосвященнейшем Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. — Нижний Новгород. 1886.

3. Поучения, говоренные к нижегородской пастве с присовокуплением келейных его записок за 1851—1853 гг. (священник Покровский Д.). — Нижний Новгород, 1890.

4. Святой Иоанн Креститель, изъяснительные письма // Прибавления к "Церковным ведомостям". — 1890, № 33, с. 1077—1082.

5. Иноческие письма // Душеполезный собеседник. — 1889, с. 309—312; публиковались в этом журнале за годы: 1894—1900, 1910—1914.

Библиографический список трудов о епископе Иеремии

Виноградов И. З., протоиерей. Преосвященнейший Иеремия, епископ Нижегородский и воспоминания его о преосвященнейшем Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. — Нижний Новгород, 1886. Андреев И. Иеремия (Соловьев) как благотворитель Нижегородской семинарии. — Нижний Новгород, 1900.

Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни: в 9 т. — Сергиев Посад, 1897—1911, т. 4, с. 631; т. 5, с. 492, 493, 813, 857, 863. Адриан, иеромонах. Жизнеописание иеромонаха Николая, духовника Киево-Печерской Успенской лавры. — Киев, 1900, с. 10. Воскресенский А. Многокорбный ученик преподобного Серафима, игумена Павло-Обнорского монастыря, Иоасаф в схиме Серафим. — Вологда, 1914, с. 79. Мухин Н. Ф., профессор. Киево-Братский училищный монастырь. — Киев, 1893. Родосский А. С. Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии. 1814—1869 гг. — СПб., 1907, с. 179—181.

Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в 75 губерниях и областях России. — М., 1908, с. 300, 544, 782. Ефремов Л. В., протоиерей. Блаженной памяти отец Иоанн Борисов, священник Преображенской церкви в городе Ельце. — М., 1870, с. 24, 25.

Н. Дурново. Девятисотлетие русской иерархии 988—1888. Епархии и архиереи. — М., 1888, с. 17, 29, 58, 77.

Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. — Киев, 1913, с. 1403, 1406, 1409, 1413.

Евтропов К. Н. Об епископе Нижегородском Иеремии (Соловьеве). // Записки Иеремии. — Томск, 1901.

Толстой Ю. Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721—1871 гг.). — М., 1872, № 300. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. — СПб., 1877, с. 10—11, 20, 25, 608, 612, 928, 1025. Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721—1895 гг.). — СПб., 1896, № 300. Юбилейный сборник исторических материалов у Троицы в Академии 1814—1914 г. — М., 1914, с. 545.

Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. — Арзамас, 1911, с. 70, 87, 217, 242, 246. Киево-Златоверхо-Михайловский монастырь. Исторический очерк от основания его до настоящего времени. — Киев, 1889, с. 136. Духовный дневник епископа Арсения (Жадановского). — М., 1918, с. 608—609. Нижегородские епархиальные ведомости. — 1885, № 24; — 1902, № 10.

Церковный вестник. — 1884, № 50. Исторический вестник. — 1884, ноябрь, с. 312; декабрь, с. 548.

— 1888, ноябрь, с. 12.

— 1889, № 9 (статья Титова).

— 1890, ноябрь, с. 502.

Русский инок. — 1915, № 12—13, с. 735—742. Русский паломник. — 1904, № 31, с. 538—540. Православный собеседник. — Казань, 1898, январь, с. 49.

Церковный вестник. — 1901, март, с. 310. Самарские епархиальные ведомости. — 1874, № 9, с. 198.

Душеполезное чтение. — 1895, март, с. 575, 576.
— 1897, октябрь, с. 267—271; ноябрь, с. 466—470.
— 1899, январь, с. 518.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков: в 12 т. — М., 1903—1912, т. 3. — С 207; т. 4, с. 90—91; т. 10, с. 311; т. 12, с. 151—160. Журнал Московской Патриархии. — 1945, № 12, с. 42, 43.
— 1957, № 1, с. 24.

Переписка архиепископа Нила с епископом Иеремией о месте кончины Арсения Мацеевича // Русский архив. — 1901, кн. 1, с. 41—44. Русский архив. — 1903, кн. 2, № 6, с. 281. Православная богословская энциклопедия или

Богословский энциклопедический словарь: в 12 т. // Под ред. А. П. Лопухина и Н. Н. Глубоковского. — СПб., 1900—1911, т. 6, с. 311, т. 7, с. 641; т. 10, с. 619.

Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. // Изд. П. П. Сойкина. — СПб., б. г., т. 1, с. 1042; т. 2, с. 1634, 1839.

Русский биографический словарь: в 25 т. — СПб.; М., 1896—1913, т. 8, с. 164—165.

Статья А. Воскресенского снабжена авторскими примечаниями и сносками и публикуется в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей.

Публикацию подготовил главный специалист ГКУ КК «Государственный архив Краснодарского края» БАБИЧ А.В.

**ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ИЕРЕМИЯ-ОТШЕЛЬНИК¹,
ПЕРВЫЙ ЕПИСКОП КАВКАЗСКИЙ И ЧЕРНОМОРСКИЙ**

(10 апреля 1799 – 6 декабря 1884)

(Опыт биографического очерка)

Есть имена, при одном произнесении которых, как живые, предстают в памяти нам лица, их носившие. Имена эти дают вполне цельное и ясное понятие о духовном складе и душевных свойствах того или другого лица, о качествах их сердец, о роде деятельности. Назовем ли мы, например, преосвященного Херсонского Иннокентия, и нам рисуется красноречивейший наш церковный вития, горячий патриот; произнесем ли имя первосвятителя Московского Филарета, и нам предстанет олицетворение духовной мощи и силы совета и разума; вспомним ли Иннокентия Вениаминова, и нераздельно с ним отобразятся для нас картины далекой и суровой Сибири; архиепископа Димитрия – и перед нами предстанет светлейший до бесподобия образ милосерднейшего к людскому горю и несчастиям святителя; упомянем ли Феофана – и нарисуетя мысленному взору нашему архиерей-затворник, так много написавший для церкви своих воистину душеполезных писаний и обилием своей любви обнимавший и лобызавший весь мир. К разряду этих достоуважаемых имен принадлежит и имя святителя Иеремии, первого епископа Кавказского и Черноморского и впоследствии Нижегородского. Когда только лишь назовешь это имя, с особенною ясностью предстает пред нами величавый и святолепный внешний и внутренний образ этого святителя – отшельника, почти 25 лет² тому назад, в старости маститой (85 ½ годов), и св. схиме, с именем Иоанна, отшедшего к Господу. Недалекая уже 25-летняя годовщина его преставления побуждает нас сказать о нем нечто в назидание благочестивых душ, стремящихся ко Господу. Предлагаемый труд не есть полное исследование о его жизни, делах и подвигах благочестия. Колоссальная личность преосвященного Иеремии требует всестороннего изучения и освеще-

¹ Заголовок автора.

² Публикация в Ставропольский епархиальных ведомостях была осуществлена в 1907 году.

ния, на основании многих еще не обнародованных материалов. Настоящим кратким очерком мы хотим только напомнить лицам, имеющим к тому и способы, и желание, и возможность, что церковь и народ ждут подробного жизнеописания названного отечественного святителя и этим побудить их к сему полезному делу, потому что, чем ближе к нам описываемая личность, тем ярче и рельефнее выступают ее нравственные стороны, тем удобнее она для изучения: пройдут десятки лет и, удаляясь от нас с каждым истекающим годом, та же личность будет представлять уже значительно большие затруднения для изучения и описания ее³.

I.

От рождения – до вступления в монастырь⁴.

Приснопамятный святитель Иеремия родился 10 апреля 1799 года в с. Георгиевском Орловской губернии, Ливенского уезда. Родитель его был скромный причетник того села Иоанн Яковлевич, мать – Мария Феокистовна. Новорожденный младенец назван был во св. крещении Иродионом. Среди тишины сельской природы, в кругу своей благочестивой семьи протекали детские годы будущего архипастыря. А семья была поистине благочестивая. Отец преосвященного, отличаясь особенным трудолюбием, в то же время обладал и высокою христианской добродетелью смирения. Исполнительный и усердный в исполнении дел своего скромного звания, он был любим всем приходом, и вот, когда, однажды, священническое место в с. Георгиевском сделалось праздным, прихожане предложили Ивану Яковлевичу со своей стороны ходатайствовать пред епархиальным начальством о рукоположении

³ Материалами для составления настоящей статьи послужили: а) «Преосвященнейший Иеремия, епископ Нижегородский», протоиерея И. Виноградова, Н-Новгород, 1886 г.; б) «Воспоминания преосв. Иеремии о преосвященнейшем Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом», Н-Новгород, 1886 г.; в) Келейные записки его, читанные пишущим настоящие строки в рукописи у келейного его архидиакона (†архимандритом) Никона; «Кавказские Еп. Вед.» 1884 г. № 24; д) «Полтавск. Еп. Вед.» 1885 г., № 12; е) «Русский паломник» 1899 г., № 50; ж) Письма к митроп. Москов. Филарету различных духовных лиц», «Христ. Чт.» 1899 г.; з) рассказы о нем его келейных и современных ему лиц и и) собственные воспоминания [Примеч. автора].

⁴ Ставропольские епархиальные ведомости. № 11. 1907. 1 июня. С. 589-603.

его во иерея; но смиренный чтец отклонил от себя это предложение, предпочитая до смерти оставаться в том звании, в которое считал себя призванным Богом. В домашнем быту он был тихий и набожный семьянин, старавшийся в душе своего сына вкоренить прочные семена благочестия. Не уступала ему в этом и Мария Феокистовна. «Родители мои, - пишет преосвященный в своих воспоминаниях, - содержали и блюли меня с каким-то особым вниманием. Для меня установлена была общая семейная молитва. Поставив меня на прилавках у святых икон, заставляли читать почаству акафист сладчайшему Иисусу и святителю Николаю. У матери моей не было иного наставления, иной материнской слезной мольбы к нежно любимому дитяти: «молись, молись, сын мой, молись втайне, молись ночью, молись пред всяким уроком своим и всяким делом». И послушный велениям матери своей, будущий святитель действительно был усерднейшим молитвенником до конца своей жизни. Воспитанию и укоренению в душе его такого прочного молитвенного чувства, кроме того, в значительной степени способствовало усердное посещение приходского храма и ежегодные путешествия в недалеко отстоявший от родины его Богородицкий Задонский монастырь, в котором с 13 августа 1783 года покоился святитель Христов Тихон⁵. Эти ежегодные молитвенные паломничества, рассказы о жизни светильника благочестия, слышанные в детстве от лиц, хорошо знавших святителя, сделали из него усердного почитателя его светлой и кроткой памяти, каковым преосвященный Иеремия оставался до последней минуты своей жизни.

После первоначального домашнего обучения и некоторой научной подготовки у одного из жителей г. Ливен, Иродион был отвезен родителями в г. Севск в тогдашнюю бурсу. Отрок оказался одаренным богатыми способностями и легко усваивал себе все преподававшиеся предметы. Бурса и семинария помещались в Троицком Севском монастыре, где был тогда и архиерей-

⁵ Тихон Задонский (в миру Тимофей Савельевич Соколов, при рождении Кириллов; род. в 1724 г., с. Короцко, Валдайский уезд, Новгородская губерния — ум. 24 августа 1783, Задонский монастырь) — епископ Русской православной церкви, епископ Воронежский и Елецкий, богослов, крупнейший православный религиозный просветитель XVIII века. Канонизирован Русской церковью в лике святителей, почитается как чудотворец.

ский дом. Иродион, получивший при поступлении сюда фамилию, рос скромным учеником. Его выделяли из ряда других воспитанников особенно религиозная настроенность и благонравие. Мальчик с духовным утешением любил присутствовать при монастырских богослужениях; любил также, верный заветам матери, молиться уединенно и тайно от всех и в пустых классных комнатах, и в роще, окружавшей монастырь; молился Соловьев и днем, молился и ночью. Из всех соучеников своих он более других сошелся с Иваном Борисовым, своим земляком-сельчанином, знаменитым впоследствии Иннокентием, архиепископом Херсонским. Тесные узы дружбы связывали обоих земляков и были настолько крепкими, что не порвались даже тогда, когда служебная деятельность разъединила их, а в то время, - время пребывания в Севской бурсе, - друзья были неразлучны: в богословском классе они сидели рядом за одной партой, вместе готовили уроки, вместе прогуливались, вместе путешествовали в далекий Елец, вместе строили планы будущей жизни, вместе решили пойти в монахи.

Годы сменялись годами и в 1819 г. Иродион Соловьев окончил курс учения в Севской семинарии со степенью студента. Теперь пред ним открывался путь жизненной деятельности. И он начал его в звании учителя и инспектора Севского духовного училища. Серьезный не по летам, вдумчивый двадцатилетний юноша – инспектор, от юности налитанный религиозным чтением и мыслью, витавший в мире патериков и четий-миней, чувствовал, что как ни благородно поприще его служения, но оно не по нем: его влекло в уединение, в стены пустынной обители, идеалом которой он считал верстах в сорока от Севска расположенную Площанскую пустынь⁶, которую неодно-

⁶ История обители уходит в глубь веков. По легенде, монастырь у Площанского озера, давшего название обители, повелел основать святитель Николай. Достоверно известно, что уединённый монастырь был разорён поляками и после 1613 года начал возобновляться иеромонахом Киево-Печерской лавры Прокопием. В книге, вышедшей в 1855 году указывалось, что по сведениям игумена Серапиона, который был строителем монастыря в 1778 году: «...старейший насельник обители монах Ефрем утверждал, „что де при сей пустыни были великие леса и в сей же пустыне в горе, при источнике, который называется площанский колодезь, почему она и именуется Площанской пустынею, жили де во оной горе, в землянке три монаха, из коих один иеромонах Прокопий“. Прокопий пришёл сюда из Киево-Печерской Лавры, родом же был грек. По преданию, чудотворная Казанская икона Божией Матери была пожалована Прокопию патриархом Филаретом в благословение обители, резная икона святителя Николая была обнаружена Прокопием в развалинах монастыря, а древняя икона Всемиловитого Спаса была пожалована царём Михаилом Фёдоровичем. В XVIII

кратно посещал для молитвы. С теми же прочными, непоколебимыми религиозными убеждениями, с тою же любовью к молитве, как и прежде, проходил он свое служебное поприще, а внутренний голос звал его в уединение обители, в пустыню. Но, если таково было желание юного любителя иноческой жизни, то родители его желали совершенно иного: они хотели видеть его священником, видеть в нем нравственную и материальную опору приближающейся к ним старости. Страшная борьба мыслей, чувствований и желаний происходила в душе Соловьева. С одной стороны ему хотелось исполнить и желание родителей, с другой – жаль было расстаться с взлелеянными в сердце мечтами о монастыре и иночестве. И неизвестно, как бы долго могла продолжаться эта мысленная борьба, если бы не пришел к нему на помощь случай, с точки зрения довольно обыкновенный, но в действительности такой, который при уповании на вседействующий Промысл Божий, несомненно ниспослан был Иродиону Ивановичу от Бога.

Несколько ранее того, приехав раз на родину, и бывши в Ельце, Соловьев посетил всеми уважаемого не только в том городе, но и далеко за пределами его, священника о. Иоанна Борисова († 20 дек. 1821 г.), к которому пришел со священником Вуколовым. Сюда влекло Иродиона желание разрешить свои колебания: как поступить и что сделать с вопросом о браке и священстве? Благодатный пастырь принял посетителей любвеобильно; предложил им даже закусить и, когда Иродион намеревался взять что-то из мясных снедей, находившихся на столе, о. Иоанн сказал ему: «Нет, брат, нам к этому не надо прикасаться: мы с тобой икры съедим». И затем продолжал: «Ехал я по Сосне (река, протекающая мимо Ельца). Много было у меня с собою все-

веке в монастыре началось активное строительство: в 1709 году была перестроена обветшавшая деревянная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери; каменный Казанский собор был освящен в 1749 году[1]. Были построены также храмы во имя Покрова Пресвятой Богородицы (1754), во имя Всех Святых над вратами обители (1783) и во имя Сошествия Св. Духа (1815). В 1764 году монастырь стал заштатным. Монастырь закрыт в 1917 году, окончательно ликвидирован в 1921 году, но церковные службы продолжались до 1924 года. В 1919 году на хозяйственной базе монастыря была организована Коммуна «Пчела», которая в течение XX века превратилась в посёлок. Монастырь был возвращён монашествующим в конце 1994 года в разоренном состоянии. Из четырёх храмов уцелел только один святодуховский храм, сохранились также развалины Казанского собора, остатки крепостной стены и братских келейных корпусов. Началось восстановление монастыря. В 2001 году над святыми вратами, была возведена церковь Всех святых. В 2012 начато восстановление разрушенного собора.

возможного добра; но поднялась буря; лодку мою, а с нею и меня, едва не залило волнами; из всего со мной находившегося осталось только два посоха и архиерейский жезл». И вот, о. Иоанн пошел в свой чулан, вынес оттуда два посоха – для себя и священника, и архиерейский жезл. Этот жезл он вручил студенту со словами: «Даю жезл архиерейский. Теперь ступай с Богом. Мне некогда больше беседовать с вами», - и убежал в свой чулан. Такой, довольно необычный прием, настолько удивил Соловьева, насколько же остался для него непонятным. Между тем, преосв. Гавриил, епископ Севский и Орловский, через своего секретаря предложил ему священническое место в г. Болхове, при Покровской церкви, со вступлением в брак с указанной невестой. Искушение было неожиданное; предложение внезапное, а потому и борьба с ним оказалась непосильная. «С благодарностью, - пишет преосвященный в своих келейных записках, - принял я от архипастыря и место, и благословение на брак, и отправился в г. Болхов. Здесь всматривался я в приход и в будущее семейное родство, и все облюбовав, я не прежде однако решился приступить к совещанию о браке, как помолясь в Болховском монастыре и отслужив молебен Царице Небесной вместе с будущими родными. По выходе из церкви, перешед через ров, отделяющий монастырь от города, и увидев зеленеющую обитель, я пленился ею более, нежели невестой, и оставив всех, устремился в чашу рощи один, чтобы прислушаться к сердцу и помолиться, и подышать вольным воздухом...». И вот, среди уединения монастырской рощи вспомнились ему заветные мечты юности о монастыре и иночестве, преднеслись умному взору его образцы древнего монашества, светлые образы духоносных отцов его, и твердо решил теперь Иродион, что семейная жизнь не для него, что действительное призвание его – иночество. Непродолжительное время, проведенное им в монастырской роще, дало определенное направление его душевным стремлениям. Он бесповоротно решил стать монахом. Возвратился в дом невесты, объявил о своем непреложном решении и, при общем сожалении и плаче в доме, среди ночи, простившись со

всеми, пустился в обратный путь⁷. Возвратившись к преосв. Гавриилу, он рассказал ему о своем непреклонном решении, о причинах, побуждавших к этому, и просил об определении его в Площанскую пустынь. «Грядущаго ко Мне не изжену вон», - сказал Господь», - писал владыка. «Определить просителя не в Площанскую пустынь, а в Брянский Свенский Печерский монастырь».

Итак, жребий был брошен. Обет в сердце произнесен. – «В марте, пишет преосв. Иеремия в своих келейных записках, - поспешно все бросив в квартире, и взяв в кожаной котомке две рубашки, с посохом в руке, я пустился в путь (около 200 верст) по грязной дороге пешком, тужа и радуясь, упокая и страшась. Все путешествие мое, кажется, столько же орошалось слезами, сколько весенним дождем. Но и среди тучи сей, среди хлада и голода, Ангел – Хранитель не допустил мне озрение⁸ вспять, подобно жене Лотовой... Спасаясь от треволнений мира, я едва не погряз в волнах Десны-реки, решаясь вверить себя для переправы через разлившуюся реку челноку и ребенку-кормчому. Смерть потопная была на волоске, и я уже приготовился ее встретить, призывая милосердие Божие. Ловкость ребенка-кормчего, его мужественное приказание мне: «Закрой глаза и ниц наклонись», летание челнока от волны во все стороны – неизгладимы в душе моей, выну⁹ за спасение сие Господу Богу и ангелу-хранителю благодарной». Но вот утомленный путник на правом берегу Десны. Пред ним высокая, крутая гора, а на вершине ее – Свенский¹⁰ монастырь, основанный в конце XII века, на месте чу-

⁷ Впоследствии, уже живя на покое, преосв. Иеремия прислал Троицкому Оптину Болховскому монастырю икону св. великомученика Пантелеимона, нарочито для сего выписанную им с Афона. На оборотной стороне ее имелась соответствующая надпись, в которой владыка именует себя «свенским послушником», Афонская святыня встречена была за городом всем духовенством г. Болхова и, с крестным ходом в сопровождении всех граждан, препровождена в монастырь. Пред нею горела неугасимая лампада и каждый вторник читался акафист св. великомученику [Примеч. автора].

⁸ т. е. обернуться.

⁹ выну – всегда (старослав.).

¹⁰ Свѣнский Свято-Успенский монастырь – мужской православный монастырь в селе Супонево Брянского района Брянской области, один из древнейших русских монастырей. Основан в 1288 году Брянским князем Романом Михайловичем. Легенда гласит, что князь, внезапно стал терять зрение. Для исцеления он послал в Киево-Печерский монастырь за чудотворной иконой — Печерской иконой Божией Матери. Во время путешествия по Десне икона чудесным образом исчезла из лодки и оказалась на берегу реки Свинь, куда и пришёл князь. После молитвы перед иконой он исцелился. На этом месте он повелел основать монастырь, срубить храм во имя Богоматери, и наделил его землями. По названию реки Свини, монастырь вплоть до XVII

десного явления Печерской иконы Богоматери¹¹. С трудом взбирается по горе Иродион и достигает врат обители. Неприветливыми показались ему все монастырские здания. Он сел у св. ворот раздумывая, что делать, что предпринять? Была у него записка к братскому духовнику иеромонаху Смарагду, полученная от одного раба Божия, подвизавшегося в Севске. К нему и решил, прежде всего, направить стопы ног своих юный искатель монашеских подвигов. Вышедший монах проводил его к о. Смарагду. Приветливо и любовно встретил его старец Божий, обогрел, напоил чаем, расспросил обо всем подробно, и отвел к игумену. Насколько первый оказался приветливым, настолько последний – мнительным. Читая в представленном ему Соловьевым билете слова: «учитель-инспектор», он испытующе смотрел на предстоявшего ему Иродиона. И, если бы на то была личная его воля, то, вероятно, и не принял бы он его в обитель; но как Соловьев официально определен был епархиальным преосвященным, отказать ему было уже невозможно. И приняли Иродиона, и назначили ему послушание чернорабочего на скотном дворе, как бы давая этим понять, что его богословское образование для монастыря не составляет ровно никакого значения, а что здесь ценится только нелицемерное послушание, смирение и физический труд. Так и понял это послушник Иродион и ни мало не роптал на даваемые ему послушания. Впрочем, скоро после того, как настоятель убедился в искренности его расположения к монашеству, его назначили пономарем при ранней литургии. В духовном отношении он подчинен был старцу Смарагду, который был очень

века носил название Свинский. Иван Грозный повелел поставить здесь две каменные церкви, в том числе сохранившийся донныне храм свв. Антония и Феодосия Печерских. В 1583 году монастырь разорён литовцами, в 1664 — крымскими татарами. В 1679 году возведена Сретенская церковь (сохранилась). По церковной легенде в монастыре бывал Пётр I. Домик, где он якобы ночевал, сохранялся до начала XX века, а «дуб Петра Великого» и сейчас стоит перед монастырём, являясь известной достопримечательностью. В 1681—1786 годах монастырь был приписан к Киево-Печерской лавре и носил наименование Ново-Печерский. В эти годы здесь были построены надвратная Спасо-Преображенская церковь (1742) и монументальный Успенский собор (1758, снесён в 1930). После возвращения монастырю статуса самостоятельного, он, чтобы избежать прежнего неблагозвучного названия, был наименован Свенским, соответственно и речка Свинь была переименована в Свень. Согласно Манифесту о секуляризации монастырских земель (1764), монастырь был отнесён к третьему классу. В 1920-е годы началось постепенное закрытие монастыря, которое было полностью завершено к 1926 году, а в 1930 году значительная часть монастырских построек, включая главный собор, была снесена. Возвращён церкви и возобновлен как мужской монастырь в 1992 году. В настоящее время ведётся восстановление архитектурного комплекса монастыря.

любвеобилен с молодым послушником, руководя его на пути иноческого жития. Так, после немалых препятствий, будущий святитель положил начало своему иночеству в Свенском монастыре. Скорбны были его первые шаги на этом поприще, но он знал, что иноческая жизнь есть не покой, но подвиг, - подвиг тяжелый, подвиг, тянущийся до могилы. И зная это, - он не смущался родом назначаемых ему послушаний.

II.

От вступления в обитель до хиротонии во епископа.

Старец послушника Иродиона – иеромонах Смарагд – был иноком опытным в духовной жизни, обладавший даром передавать эту трудную науку с какою-то особою сердечностью и влиявший на своих учеников в высшей степени благотворно. Таковым же она (сердечность) оказалось и по отношению к Иродиону. Последний, вступив в Свенский монастырь, совершенно отказался от своей воли: теперь мерилom всей его жизни стали веления старца, с которым он, будучи уже епископом, и который, в свою очередь, был свенским архимандритом, поддерживал духовные отношения посредством оживленной переписки¹². А старец все чаще и чаще твердил ученику, что монастырь не для него, что его место - академия. «Иди в академию; иди за послушание», - решительно сказал Смарагд, и покорный послушник повиновался. Он написал письмо другу своего детства Борисову, тогда уже иеромонаху Иннокентию, бакалавру Санкт-Петербургской духовной академии. По требованию комиссии духовных училищ послушник свенский должен был явиться в эту академию. Не более четырех месяцев провел Соловьев в стенах Свенской обители, но расставался с нею и с глубокой грустью, и с горькими слезами, как изгоняемый из рая сладости праотец наш¹³. Впрочем,

¹¹ Свенская (Печерская) икона Божией Матери (с Антонием и Феодосием Печерскими). XI век, приписывается киево-печерскому иконописцу Алипию. Ныне – Третьяковская галерея.

¹² Письма преосв. Иеремии хранятся в ризнице Свенского монастыря. Благовременно было бы обнародовать их [Примеч. автора].

¹³ Т.е. Адам – первый сотворенный человек.

он думал по окончании академического курса возвратиться и, уже навсегда, в родную обитель. Преосвященный митрополит Киевский Платон (Городецкий, † 1 октября 1891 года), сокурсник преосв. Иеремии, рассказывал, что Соловьев явился в академию в скромном подряснике, препоясанный усменным¹⁴ поясом о чреслах. Верный обету души, он в настоящем случае захотел переменить свой костюм, и являлся только чадом послушания; академия была для него поприщем, где ему предлежало усовершиться¹⁵ в этой иноческой добродетели, действительная же академия осталась позади его, в Орловской губернии. То был оставленный Свенский монастырь.

Научная подготовка Соловьева оказалась так высока, что при поступлении в академию (в 1824 году) он, минуя первый курс ее, принят был прямо на второй. И потекла для него академическая жизнь обычною чредою в усиленных научных занятиях, молитве и духовном общении, как с давним своим другом Иннокентием Борисовым, так и рязанским архиепископом Филаретом (Амфитеатров, † митропол. Киевский). Когда для других в недалеком будущем рисовалась перспектива духовно-учебной службы, Соловьев мечтал лишь о возвращении в Свенский монастырь. С этой целью во время академического курса он принял пострижение в монашество, будучи назван Иеремией, и рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Пред выпускными экзаменами о. Иеремия обратился в Совет академии с довольно необычной просьбой: не удостоивать никакой ученой степени. Этой мерой он думал избежать назначения его на духовно-учебную службу, что влекло бы для него за собою невозможность возвращения в монастырь. Тайну смирения его проник митрополит Санкт-Петербургский Серафим. Призвав иеромонаха Иеремию к себе, владыка сказал ему: «Ты хочешь возвратиться в монастырь? Нет, за три года твоего учения, должен ты отблагодарить церковь за воспитание, по крайней мере, четырьмя годами учебной службы». С грустью внимал Иеремия словам митрополита. Обитель Свенская уходила от него все дальше и

¹⁴ то есть кожаным.

¹⁵ то есть усовершенствоваться

дальше. Вместо нее о. Иеремия был назначен законоучителем и настоятелем церкви Санкт-Петербургского 2-го кадетского корпуса. «Смотри, - сказал ему при назначении митрополит Серафим, там часто бывает Государь; там строго». Но о. Иеремии не нужно было напоминать о строгости: он был безупречнейший инок и сам к себе относился гораздо суровее, нежели бы как отнеслись к нему самые строгие из судей. Между кадетами и иеромонахом Иеремией образовалась тесная духовная связь. «Кадеты слушали меня с любовью, - писал он впоследствии, - и я любил кадет о Господе истинною и деятельною любовью. Их с командою не приводили в церковь накануне праздников ко всеобщим, но многие из них добровольно приходили и молились усердно, и пели, и читали, доколе барабаном не позвуются к ужину. Радость моя, и братская, и отеческая, и священнослужительская, тем более меня восхищала, чем большее число боголюбивых моих кадет видел я в церкви под какой-либо праздник». Это говорит священнослужитель, а как законоучитель о. Иеремия проявил однажды свою ревность в одном случае. По распоряжению начальства Новый Завет, находившийся в занятой комнате воспитанников, был убран. О. Иеремия взволновался, поехал к о. Иннокентию, рассказал ему этот случай. Иннокентий, несмотря на глубокий вечер, тотчас же поспешил к митрополитам Серафиму и Филарету, и на другой день Новый Завет находился уже на обычном своем месте. В 1829 г. иеромонах Иеремия получил новое назначение, будучи перемещен в бакалавры Санкт-Петербургской академии, но прослужил здесь очень непродолжительное время.

В следующем 1830 году Иннокентий Борисов назначается ректором Киевской духовной академии. Друзьям, делившим и дни юности, и горе, и радости их, предстояла разлука. Так бы оно и случилось, если бы не митрополит Серафим. «Скучно будет Иеремии без Иннокентия», - сказал Серафим, зная о привязанности их друг к другу. И вот иеромонах Иеремия, одновременно с Иннокентием, назначается инспектором Киевской же академии, с возведением его в сан архимандрита. Друзья вместе сделали свой путь до

Киева. Можно себе представить, как радовался архимандрит Иеремия и тому, что не разлучился с дорогим другом, и назначению своему в Киев с его многочисленными святынями и священным мраком пещер лавры!... Вместе с Иннокентием прибыли в академию, вместе вступили каждый на свою должность. Как два родных брата жили Иннокентий и Иеремия, взаимно дополняя один другого, деля вместе досуг, беседуя о различных предметах науки и жизни, молясь вместе. В особенности попечения Иннокентия об Иеремии выразились при болезни последнего, когда думали, что архимандрит Иеремия не жилец уже на свете, и когда Иннокентий обратился в сиделку у постели своего товарища и друга, которого он любил и уважал искренне, и к которому обращался с просьбой: «Помолись за меня». – «Выну сознавая себя еще худшим богомольцем, писал преосв. Иеремия, я обыкновенно обращался с просьбою его и своею к благочестивым старцам Брянского Печерского монастыря, где полагал и начало иноческому житию». В этот период жизни и служебной деятельности о. Иеремии выпало на долю великое удовольствие постричь в монашество двоих выдающихся студентов академии – Муретова и Говорова, знаменитых впоследствии Херсонского архиепископа Димитрия и святителя – затворника епископа Феофана. В 1834 г. инспектор, архимандрит Иеремия, назначен был ректором Киевской духовной семинарии и настоятелем Выдубицкого монастыря¹⁶, дававшего ему возможность посвящать свободные минуты любимому уединению и богомыслию в живописном уголке древнейшей Киевской, основанной, по преданию, еще при первосвятителе российском Михаиле, на месте установки идола Перуна. Близость академии и семинарии не могла служить препятствием к продолжению установившихся и окрепших отношений обоих друзей; они виделись также часто, разделяемые самым кратким пространством. Вскоре Иннокентий был хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевского, а о. Иеремии, в 1839 году, при-

¹⁶ Выдубицкий Михайловский (мужской) монастырь, в Киеве. Основан в 1070 на правом берегу Днепра. В 1116 в нем была составлена 2-я редакция "Повести временных лет" игуменом Сильвестром. Упразднен после Октябрьской революции. Архитектурный памятник 11-18 вв.: Михайловская церковь (1070-88); Георгиевский собор (1696-1701), трапезная (1696-1701) и колокольня (1727-33) - последние три в стиле украинского барокко.

шлось наследовать его ректуру в академии и поддерживать те добрые начинания, которые ввел здесь его друг. Но и в академии архимандриту Иеремию пришлось пробыть только до первых месяцев 1841 года.

Чудное сновидение подготовило Иеремию к коренному перевороту в его жизни. Представилось ему, что он в Великой церкви Киево-Печерской лавры, где видит двоих неизвестных ему святителей. Они приводят его в алтарь, ставят коленопреклоненного пред престолом, берут с престола Евангелие и, разогнув его, письменами полагают на главу о. Иеремию, а один из них говорит ему нечто таковое, что осталось навсегда тайною только для его души, и о чем он не поведал даже в своих записках. Смущенным проснулся ректор. И получил известие о назначении его епископом Чигиринским, вместо перемещенного в Вологду друга – преосвященного Иннокентия. Не обрадовало его это назначение, а паче повергло в страх и боязнь. «Мысль о том, - пишет преосв. Иеремия, - куда всегда почти лежал путь начальнику и главе ученых, была для меня мыслию страшною. Но когда пришло время ей осуществиться, зело смятеся душа моя. Чтобы воспрепятствовать исполнению уже состоявшегося избрания меня в сан епископа, я помышлял прибегнуть к мерам, известным в священной древности. Но вот в сонном видении пожаловал ко мне преосвященный митрополит Филарет¹⁷, благодетель мой,

¹⁷ Филарет, митрополит Киевский и Галицкий (в миру Федор Георгиевич Амфитеатров, 1779—1857) — сын священника Орловской губ.; окончил курс в Севской семинарии и принял монашество. Был ректором семинарий Севской, Уфимской и Тобольской. В 1813 г. вызван в СПб., с назначением настоятелем Иосифова Волоколамского м-ря; был инспектором СПб., потом Москов. дух. академии и получил степень доктора богословия. В 1816 г. определен ректором Моск. дух. академии. Рукоположенный в 1819 г. в епископа Калужского, Ф. занимал кафедры рязанскую (здесь возведен в сан архиепископа), казанскую, ярославскую; в 1837 г. назначен митрополитом Киевским. На киевской кафедре Ф. пробыл до самой кончины своей, приняв в 1841 г. пострижение в схиму с именем Феодосия. В Казани Ф. обратил в православие более 5000 язычников. Ф. принимал большое участие в обсуждении вопроса о переводе Св. Писания на русский язык; он был решительным противником мысли о необходимости перевода и стал по этому предмету в противоречие с московским митрополитом Ф. Он был более практик, нежели теоретик, выразитель идеи православия и монашества более в жизни, нежели в литературной деятельности. Главные его труды: "Беседы на пятую, шестую и седьмую главы св. евангелиста Матфея" (4 изд., Москва, 1837); "Беседы на V, VI, VII, VIII, IX, X и XI главы св. евангелиста Матфея" (Киев, 1842); "Беседы на евангелие Иоанна" (т. I, Киев, 1847); "Слова и речи, говоренные в разные времена" (т. 1—3, Киев 1857; новое изд., ib., 1883); "Евгений, митрополит Киевский и Галицкий" (в XIX книге "Временника Моск. общества истории и древностей", 1857 г.). См. "Высокопр. Ф., митрополит Киевский", некролог в "Воскресном чтении" за 1857—58 гг., часть XXI, № 42; там же в №№ 50 и 52 "Последние дни жизни почившего в Бозе высокопр. Ф., митроп. Киевского" (отд. Киев, 1858); "Заметки о жизни высокопр. Ф., митрополита Киевского" ("Правосл. собеседник", 1879, ч. I); "Высокопр. Ф., митрополит Киевский" ("Калужские епарх. ведомости, 1884, №№ 6—11, 14 и 17—19); самое полное и обстоятельное жизнеописание — архим. Сергия (Василевского), "Высокопреосв. Ф., митрополит Киевский и Галицкий, и

на которого я взирал как на святого, и говорит: «Не отказывайся; бумага о тебе уже сошла. Я приехал тебе сказать». В ответ на это я надвинул ниже свою камилавку, поникнув головой и горько заплакал, и проснулся с плачем... Праведно плакал и во все служение архиерейское... Не по мне сан сей, и почести и обязанности его не по мне...». На другой день случилось так, как и видел о. Иеремия, уже не во сне, а наяву. Хиротония архимандрита Иеремии во епископа совершена была 6 апреля 1843 г. в Великой церкви Киево-Печерской лавры святителями: Киевским митрополитом Филаретом, преосв. Иннокентием Вологодским и находившимся в Киеве на покое бывшим Смоленским Иосифом.

Так смиреннейший инок, некогда отказавшийся от радостей брачной жизни, оставивший училищную службу, подклонивший себя спасительному игу послушания и, ради сего послушания, расставшийся с любимой обителью, но всегда вздыхавший о ней и преискренне желавший возвращения в тишину иноческой кельи ее, затем ради того же послушания становящийся видным деятелем на духовно-учебном поприще, но отнюдь не прилепляющийся к нему душой и сердцем, и смотревший на служебные свои обязанности только как на *послушание*, притом временное, - за которым следует безмолвие обители, - волею Божией поставляется на высоком епископском свещнике¹⁸. Можно себе представить, как смущалась его смиреннейшая душа пред высотой епископского звания, как страдал он от сознания, что теперь закрылись за ним ворота обители, и что уже не будет он вести жизни безмолвной, как призванный на подвиг общественного священного служения. Зная характер преосв. Иеремии, ни мало не удивляешься, что он «помышлял прибегнуть к мерам, известным в священной древности», чтобы только избежать страшного архиерейства. Но и здесь он смиренно склонился перед волею Божией, устрояющей судьбы человека.

его время" (Казань, 1888); Георгий Орлов, "Ф. Амфитеатров, митрополит Киевский, как проповедник" (М., 1898).

¹⁸ Свещник означает подсвечник.

Ш.

Епископское служение в Киеве, Ставрополе, Полтаве, Нижем Новгороде и удаление на покой¹⁹

Но, как ни тяжел был для преосвященного Иеремии омофор епископский, возлегший на его рамена, высокое и ответственное служение святительское облегчалось отеческим к нему благорасположением первосвятителя Киевского – митрополита Филарета, и своей любовью, и своим мудрым и многоопытным руководством, ободрявшим нового епископа в его великом делании. Под руководством сего глубоко чтимого и любимого им святителя протекло для преосвященного Иеремии время до 1844 года. В самый новый год преосвященному Иеремию было повелено стать первым епископом новооткрытой Кавказской епархии, с титулом Кавказского и Черноморского. Об этом неожиданном перемещении преосвященный получил извещение также в сонном видении. «1 января, - писал он, - видится мне, что я священнодействую в храме, озаренном молниеобразными сияниями: то, думаю, храм, в коем находятся чудотворные мощи святой великомученицы Варвары. Когда от престола исшел я вне алтаря, чтобы осенить народ, вдруг подходят ко мне два диакона и сказывают, что мне следует служить не здесь, а в ином месте. – Где? – спрашиваю. В ответ на это они ввели меня в храм, в коем нет ни народа, ни зажженных свечей, кроме одной. Я проснулся с сердцем сильно бьющимся... В это время получено было митрополитом и сообщено мне известие о назначении меня в новую епархию Кавказскую, в церковь, облежимую мраком языческим и магометанским. Я рассказал архипастырю виденное во сне. – Ну, я надеюсь, рек первосвятитель, благодатный Бог даст тебе зажечь и другую, и третью свечу».

«Новый год, - писал Киевский митрополит к Филарету Московскому, принес мне болезнь тела и скорбь души, так как отнимается у меня добрый помощник, преосвященный Иеремиа. Но, если жалел о преосв. Иеремию Ки-

¹⁹ Ставропольские епархиальные ведомости. № 12. 1907. 16 июня. С. 645-658.

евский святитель, самому вновь назначенному это перемещение было неизмеримо тяжелее. Почти тринадцать лет провел он в священном Киеве, знал все его святыни, входил в духовное общение с подвижниками благочестия, питал дух свой молитвою усердною и воспоминаниями благоговейными о различных исторических судьбах, пронесшихся над этим городом. И вот, указывается ему Ставрополь; возлагается обязанность страшно тяжелая: все устроить в новой епархии, оживить церковно-общественную жизнь, сообщить духовно-административным учреждениям правильное течение. Одним словом, пред преос. Иеремией впереди открывалось громаднейшее поле, требующее его неустанной и вместе с тем такой живой деятельности, что другой на его месте, поставленный в одинаковые с ним условия, упал бы духом. Но не таков был преосвященный Иеремия. Он твердо веровал, что позвавший его на Кавказ Господь, поможет ему и там. И вот, соорудив себе походный храм, помолясь пред дорогими и близкими его душе святынями, омочив их своими слезами, простившись с владыкой Филаретом и другими близкими к нему по духу лицами, архипастырь выехал к месту своего нового служения, напутствуемый общими благожеланиями.

Путь свой преосвященный Иеремия направил через Харьков, где повидался в последний раз в жизни с другом своим преосвященным Иннокентием, пробыв у него несколько дней. При отсутствии в то время железных дорог много неудобств пришлось вынести путешествующему архипастырю прежде, нежели он прибыл в свой престольный град. В Великую Субботу, в 9 часов вечера, прибыл преосвященный в Ставрополь-Кавказский. «Се вступаешь ты для служения Церкви Христовой в новый для тебя град, град креста, говорил ему кафедральный протоиерей в своей приветственной речи. Ведай, что служение твое будет не без крестов и скорбей. Но Сам Господь – Помощник твой». Безмолвно выслушал эту речь преосвященный путник, безмолвно преклонил колена пред св. плащаницею и в горячей молитве просил у плотию Уснувшего Господа благословения и себе, и своей юной пастве.

Масса труда предлежала здесь преос. Иеремии. Необходима была твердая, как гранитная скала, вера, непоколебимая воля и полнейшая преданность своему высокому архипастырскому званию и долгу, чтобы преодолеть все препятствия, встречавшиеся на пути. В Ставрополе преосвященный нашел только одну церковь, которая в то же время была и кафедральным собором.

Ревностный архипастырь изыскал средства на устройство нового кафедрального собора в честь Казанской иконы Божьей Матери, который и освятил сам. Не забыт им был и прежний Троицкий собор, благолепно украшенный. Кроме того, преосвященный почти без всяких средств приступил к основанию и устройству близ города женского монастыря, который, в память своих родителей, наименовал Иоанно-Мариинским, и о котором заботился до последних дней своей жизни. Открыл здесь консисторию; устроил семинарию и духовное училище и, при пособии одного благотворителя, выстроил большой каменный двухэтажный дом для общежития бедных детей кавказского духовенства; из своих личных средств, но скрыв свое имя, пожертвовал 8500 руб. на содержание в семинарии и училище семи бедных учеников; открыл епархиальное попечительство о бедных духовного звания. Заботы его о прочном утверждении здесь православия выражались ревностью в сооружении храмов, которых за время своей кавказской жизни он соорудил и освятил 12. Зная, что архипастырь должен знать своих овец и овцы должны знать своего пастыря, он предпринимал длинные и утомительные поездки по своей обширной епархии, всюду неся с собою слово мира Христова и здорового учения об истинах православной веры. Если мы вспомним, что время Ставропольского святительства преосв. Иеремии протекало в те дни и годы, когда Кавказ враждебно относился к русскому владычеству в крае, когда на всем Кавказе, на всех возвышенностях его и плодородных равнинах лилась и дорогая русская кровь, и кровь свободолюбивых горцев, когда знамя восстания держал в своих твердых руках известный имам Чечни и Дагестана Шамиль, то пойдем, какие опасности могли встретиться преосвященному в его поездках. Но ревностный архипастырь, сильный только верою, вместо ору-

жия носивший и в сердце и на персях своих крест Христов, как бы пренебрегал этими опасностями, посещая не только мирные аулы, но проникая даже и во враждебные. Господь хранил верного Своего служителя на всех путях его. Правда, был один случай, когда владыка находился в положении очень опасном и близком к плену, но, милостию Божьей, он счастливо избег этого действия. Этот случай, огласившийся во внутренних губерниях России, приобрел ему славу неустрашимого архиерея, на выкуп которого из плена даже предположено было собрать большую денежную сумму. Господь видимо благословлял все труды и начинания преосвященного, и он оком веры прозревая благоволение к нему Божие, радовался радостью святою, побуждаясь к новым подвигам.

Но не одни только духовные радости были уделом преосвященного на Кавказе. Случались и скорби, иногда очень тяжкие. Одна из этих скорбей так глубоко потрясла все внутренне существо владыки, что он помнил ее всю свою остальную жизнь. «Эту печаль мою священнослужительскую, - говорил владыка, никакое чествование не возьмет от моего сердца: ее понесу я и во гроб пред судилище Христово». В состав Кавказской епархии входили станции Терского и Кубанского войска казаков, как, впрочем, входят они и теперь. Казаки были и есть слепые ревнители мнимой старины. Во время своих объездов по епархии преосвященный своим архипастырским словом старался разъяснить им истину, возвратить в лоно оставленной церкви, но в этом, к сожалению, не успел. Продолжателями его дела, без всякого с его стороны ведома и желания, явились чины полиции, и оказали преосвященному весьма горькую услугу, стараясь с буквальной точностью прилагать к раскольникам законы о них, довольно строгие и суровые в Николаевское время. Имея в виду труды епископа на миссионерском поприще, чиновники действовали настолько нетактично, что своими мерами вызвали недовольство казачьего войска. Не зная действительного положения вещей и полагая, что полиция действует так сообразно требованиям архиерея, казаки, поддерживаемые влиятельным магометанином Кази-Беком, не без участия и нашего известно-

го духовного писателя А.Н. Муравьева, подали главнокомандующему Кавказским корпусом князю М.С. Воронцову жалобу, что преосв. Иеремия чинит им религиозные стеснения, не позволяет совершать богослужение по их обряду и восстанавливать молитвенные дома. Время было тревожное. Князь Воронцов, опасаясь, чтоб казаки в деле против Шамиля не повредили, вследствие своего недовольства, успеху кампании, не потребовав от преосвященного никаких объяснений, сообщил об этом в С-Петербург. Ответом на донесение кн. Воронцова было высочайшее повеление о выделении из состава Кавказской епархии станичных церквей Терского и Кубанского казачьих войск и о подчинении их ведению обер-священника Кавказской армии, жившего в далеком Тифлисе. Весть об этом глубоко поразила преосвященного Иеремию. Он, как строжайший блюститель и хранитель канонов церковных считал это дело несогласным с справедливостью. Не о себе скорбел владыка, но о том, что делу дан такой поспешный ход, что нарушены права епархиального епископа, что в епархии образовалось отделение части духовенства, не подчиняющегося юрисдикции местного епископа. В горьком недовольстве своем он называл эту отделившуюся часть пресвитерианской. Он видел светлым умом своим, что подобное отделение послужит к усилению раскола, будет причиной различных неурядиц и различных прискорбных явлений в жизни казачьего духовенства, оставленного без ближайшего начальственного раздора, что действительно и случилось. «Достойно и праведно окаянству моему, писал скорбящий архипастырь, скорбеть и плачем пророка Иеремии, патрона моего, плакать о церкви Кавказской, которая и прежде отличалась от всех частных Церквей в России, сколько опасностями и бедствиями внешними от соседних мусульманских народов, столько же и более внутренними утеснениями от раскольников и благоприятства их, а теперь, по-видимому, предана в жертву своеволию и расколу торжествующему и большому подверглась страданию. Праведно плакать о ней плачем Иеремии; и я стеною и плачу, плачу и скорблю». – «Не могу скрыть от себя и от вашей сиятельной особы, писал он князю Воронцову, что если я сколько-нибудь заслужил сие

(звезду ордена св. Владимира), то разве моею печалью о непорядочном, неблагоприятном положении церковных дел в пастве Кавказской. Эту печаль мою священнослужительскую никакое чествование не возьмет от моего сердца; ее понесу я и во гроб пред судилище Христово». Но не одной только скорбью ограничивался он в этом деле, не одни только горячие молитвы, сопровождаемые слезами, воссылал он к Пастыреначальнику: писал он по этому поводу многократно и в Синод, но не видя успеха в таком важном для него деле, пришел к решению сложить с себя бремя управления епархией и удалиться на покой. Он писал в своем прошении, что «постоянно и всюду присуще ему было желание окончить дни свои в уединенном житии и сойти в оное сколь можно благовременнее и для души своей, и для порученного ему дела Господня, дабы в случае изнеможения его, оно не пострадало». Св. Синод, зная плодотворную деятельность преосв. Иеремии и понимая его тяжелое душевное положение при том порядке вещей, изменить который не в его силах и власти, ценя в нем ревностного архипастыря, не уволил владыку на покой, а в конце 1849 года переместил на Полтавскую кафедру. Дело же, принесшее преосвященному так много скорби, было исправлено только в 1867 году, воссоединением казачьих церквей с остальными церквями епархии.

Итак, преосвященному Иеремии пришлось проститься с Кавказской паствой, которую он любил от всей души и до кончины своей поддерживал с ней духовную связь, вспоминая о ней как о своем любимом детище, которому были посвящены силы его лучших дней жизни. Полтава не порадовала своего нового архипастыря. Предместник его, преосв. Гедеон, шесть лет не выезжавший из Петербурга и оттуда управляющий своей епархией, оставил преосв. Иеремию печальное наследство в виде крайней распущенности епархиального управления и духовенства. Необыкновенно строгий к себе, владыка требовал и от подчиненных неуклонного служения законному и строгому порядку, от которого они в отсутствие епархиального епископа уже успели отвыкнуть. Не входя ни в какие компромиссы с совестью, несмотря на лица,

на служебное и общественное положение своих подчиненных и будучи неумолимо в этом отношении требовательным, преосв. Иеремия сделался для полтавцев «тяжек к видению». Но едва ли и сама Полтава не была тяжелее для преосвященного. В своих записках пребывание в Полтаве преосвященный называет «бесприютным, крестом Полтавским, который тяжелее и разносоставнее Кавказского». От огорчений нравственных и служебных неприятностей он даже заболел и не мог встретить Государя Николая Павловича, изнемогая силами в Мгарском монастыре г. Лубен²⁰, где провел лето и осень 1850 года. Его чистая душа возмущалась малейшим отклонением от правды, а эти уклонения он встречал в других на каждом шагу; при таких же условиях проходить дальнейшее свое служение он не находил возможным, и снова просил Синод об увольнении его на покой. Но вместо покоя преосвященному указана была кафедра Нижегородская, назначение на которую последовало для него в конце 1850 года, о чем он предварен был знаменательным сновидением. Представилось ему, что приехав для служения в кафедральный собор, он обрадован был поданным ему прекрасным архиерейским жезлом, заменившим собою прежний, владыке крайне не нравившийся. Сон так глубоко запечатлелся в душе преосвященного, что прибыв на утро в собор и встретив прежний жезл, он спросил у ключаря: «Где же новый?», чем немало удивил

²⁰ Согласно легендам, монастырь на этом месте существовал еще до татарского нашествия XIII века. Основан 18 января [1619 года](#) игуменом Густыньским и Подгорский [Исаией Копинским](#) на средства княгини [Раины Вишневецкой](#) в Мгарском лесу в шести километрах от города [Лубны](#). Святыней монастыря до [1922 года](#) были нетленные мощи [Константинопольского патриарха Афанасия III Пателлария](#) (Сидящего), погребённого в [1654 году](#) (впоследствии были перенесены в [Харьков](#)). В [1692 году](#) на месте деревянной церкви, на средства гетманов [Ивана Самойловича](#) и [Ивана Мазепы](#) и по проекту талантливого виленского архитектора Иоганна-Баптиста Зауэра в содружества с местными мастерами Мартином Томашевским и Атанасом Пирятинским был построен каменный Спасо-Преображенский собор. С [1737 года](#) игуменом, а с [1744 года](#) первым архимандритом монастыря был будущий святитель Белгородский [Иоасаф \(Горленко\)](#), которому наследовал будущий архиепископ Казанский и Черниговский [Иларион \(Рогалевский\)](#). В [1785 году](#) на месте, где любил уединяться свт. Афанасий была построена колокольня. В том же году основан и скит с церковью Благовещения Пресвятой Богородицы. В 1663 году под монашеским именем Гедеон здесь пребывал сын [Богдана Хмельницкого Юрий](#). В XVII—XVIII столетиях велась [летопись](#) Мгарского монастыря, рукописи которой хранятся в научных библиотеках Украины. С [1925 года](#) в монастыре располагалась резиденция лидера [лубенского раскола](#) («Братское объединение приходов Украинской православной автокефальной церкви», известны также как «феофиловцы») [Феофила \(Булдовского\)](#). В начале [1930-х](#) годов на территории Мгарского монастыря был создан патронат для детей «врагов народа». С [1937 года](#) здесь находился дисциплинарный батальон, а с [1946](#) — войсковые склады. В [1985 году](#) монастырь передали под пионерский лагерь. Возрождение монастыря началось в [1993 году](#).

последнего. И владыка понял тогда, что ему предлежит путь в иную епархию.

На Нижегородской кафедре преосв. Иеремия заместил собою любимого Нижегородцами архиепископа Иакова (Вечеркова), святителя-аскета, неутомимого борца с расколом, в ревности миссионерской проникавшего даже и за замкнутые ограды керженских раскольнических скитов. Трудно было найти для Н.-Новгорода лучшего заместителя преосв. Иакова, чем преосв. Иеремия, бывший некогда учеником почившего святителя в бытность его инспектором Севской семинарии. В лице нового своего владыки Нижегородцы видели как бы воплощение того же свято-подвижнического духа, подвижника молитвы, поста, дел благотворения. Видели они в нем и строгого охранителя справедливости. До него Нижегородский ярмарочный собор состоял в ведении Нижегородского губернатора, по назначению которого подавались для служения даже самые священные облачения. Таким образом, хозяином собора был губернатор, а епархиальный епископ являлся сюда только, как гость. Преосв. писал Синоду о таком ненормальном порядке в отношении собора, несмотря на то, что его предшественники мирились с этим положением вещей, и собор был передан епископу. И не по отношению к одному только собору выражалась ревность преосвященного. Пред воротами его архиерейского дома строился театр. Театр строился с такою поспешностью, что сооружение его не останавливалось и в дни воскресные и в праздничные. Глубоко возмущался этим святитель. 1 ноября, служа в кафедральном соборе, по окончании литургии, при гробнице Космы Минина, святитель говорил: «Ныне мы в храме сем возносим Господу Богу наши недостойные молитвы о спасении нас, грешных, творя молитвенную память о доблестном гражданине града нашего Косме Минине. Но что узрел я, ехавши на сие торжественное моление? Мы здесь молимся, а близ нас работают в здании воздвигаемого театра в этот для всей России, а особенно для Нижнего Новгорода приснопамятный день, а чего ради? Неведующий дела может подумать, что так спешно воздвигается здание государственное для каких-либо спасительных целей

государства; но и тогда работы следовало бы производить во время законное и к тому удобное. А что же теперь видим? Строится театр любителями зрелищ для своего удовольствия, с отвлечением рабочих людей от их прямых христианских обязанностей быть в храме Божиим в этот великий и святой день для участия в общей христианской молитве о государе императоре и о всем царствующем доме, и о спасении всей России и каждого из нас в частности, на могиле спасителя отечества. Нет, Господь не благословит таких дел. Не могу, не должен благословлять такие дела и я, недостойный служитель Божий». И действительно сбылось слово святителя. Театр был отстроен, открыт, посещаем публикой. Через год после произнесения вышеприведенных слов после представления, или, как называет его преосвященный, «позорища» (8 января 1854 г.) театр сгорел. – «Много из сел посетителей и просителей, пишет преосвященный, зря соседнее мое пепелище, не один из них изрек мне мною слышанное из уст одного простеца, некоего Георгия: *адово дно сгорело*. Простец сей как будто читал на всех театрах сию невидимую надпись: *«есть путь, иже мнится человеком прав быти, последняя же его приходят во дно адово* (Притч. 14, 12).

Взяв себе за образец жизнь св. Тихона Задонского, владыка, подобно ему, ревновал о прекращении и искоренении народных соблазнов. Когда он узнал, что в роще, принадлежащей архиерейскому дому, в день св. Троицы происходит народное гульбище с обычным разгулом и еще худшими последствиями, то, при самой торжественной обстановке, заложил здесь храм в честь благоверного князя Георгия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода. Гульбище прекратилось само собою. С таковыми же целями, по мысли владыки, устроились храмы: Троицкий, Трехсвятительский и Воскресенский на других окраинах города и везде служили причиной прекращения народных безобразий. Но особенно утешен был преосвященный при освящении храма в честь иконы Богородицы «Всех скорбящих Радости», сооруженного им при гробах Нижегородских князей и святителей, в усыпальнице кафедрального собора. Нижегородцы рассказывают, что при совершении

преосв. Иеремией чина освящения в храм влетел голубь и летал по церкви в течение всей литургии. Даже во время своих поездок для обозрения епархии, преосвященный не мог оставаться равнодушным при виде соблазна, где и в чем бы он ни проявлялся. Прибыв в одну помещичью усадьбу именитого князя О-го и увидев на стене картину крайне соблазнительного сюжета, преосвященный, в пылу негодования своего, эту картину, тростью поверг на пол. Прибыв в г. Арзамас, и с наружной стороны одного общественного здания, усмотрев изваяния языческих божеств, владыка приказал сопровождавшим его детям бросать в них камнями и грязью. Бесспорно, что поступки эти были крайне резки, но не забудем, что преосв. Иеремия был православным архиереем, плывшим ревностью пророков Илии и Иеремии, и никогда не заботившимся, что скажут о нем люди, и всегда имевшим в душе открытый вопрос: что он должен делать в данном случае, как архипастырь православной паствы. Пастве же своей он внушал жизнь по заповедям Божиим, усердно чтить церковь Христову, неопустительно посещать храм, благоговейно внимая совершаемому в нем богослужению, истово осенять себя крестным знаменем. Требовал, чтобы служба в его епархии совершалась благообразно, по уставу церковному, и с настойчивостью искоренял всякий порок, который замечал в духовенстве, употребляя прежде всего для достижения этой цели меры отеческого вразумления и в редких случаях прибегая к карательным, желая, чтобы пастыри были образцом христианской жизни для своих пасомых. Величественный и неутомимый в служении, он был усердным проповедником слова Божия, того же требуя и от подчиненных ему пастырей; по временам рассылал по епархии окружные послания к духовенству, с своими наставлениями и советами, неизменно напутствуя каждого рукополагаемого им в священный сан книжицей св. Тихона Задонского: «Сокровище духовное от мира собираемое».

Несмотря на внешнюю суровость, преосв. Иеремия обладал в высшей степени добрым и отзывчивым сердцем. Он очень заботился об обеспечении бедного духовенства епархии, передавая в попечительство почти все получа-

емое им жалованье; пекся также об устройстве осиротелых детей духовенства. Он собирал на двор архиерейского дома нищих, кормил их, оделял деньгами, любил ласкать детей, благословляя их и оделяя крестиками. Только для одних нерадивых и не желавших исправиться преосвященный был строг. Строгие требования святителя Иеремии и его ревность о благочестии навлекали на него и здесь иногда великие скорби. «По милости Божией никто, кажется, не имел таких друзей великодушных, как я грешный, пишет он в своем дневнике; - но не был и без врагов по грехам моим. Здесь, в Нижнем Новгороде, один из них так сильно воздействовал против меня, что мне угрожала потеря чести, места. Среди этой опасности, неведомой для меня, я отправился по епархии. Но как в Сарове от грешной юности моей хотелось мне побывать, во что бы то ни стало, то милосердою ко мне волею Божиею быв поставлен в столь близком соседстве с сею блаженною обителью, я всею душою стремился к ней, хотя бы на несколько часов. Вот я уже в г. Ардатове: в раннее утро предположено мною ехать в Саров негласно. Пред восходом солнца вижу во сне: будто в правой руке моей рана большая, гниющая; в ней большое насекомое, грызущее, но без боли; увидев это, я крайне возмущился и плача, говорил: ах, Боже мой! как же я теперь буду служить? как благословлять? И вот среди этого вопля моего сердечного, приблизился ко мне старец и спросил: что с тобою? Я показал ему руку и рану. Он взял мою грешную десницу, всмотрелся в язву и вынул из нее грызущего зверька. Я проснулся и тотчас поскакал мимо Дивеевской общины в Саров. Целителем моей руки я не мог не признать о. Серафима. Возвратясь в Нижний, я узнал весь подкоп под меня... Подкопателя не стало... и дела мои пошли прямо...».

Надобно заметить, что и в настоящую пору своей жизни, как и в предшествующую на Кавказе и в Полтаве, преосвященный влекся мыслью в уединение обители. Он любил монастыри и монашество, постоянно останавливался в них, проводя здесь по несколько суток, беседовал с настоятелем Нижегородских обителей, то душеполезными сочинениями, то картинами назидательного характера с соответствующими своеручными подписями. Я

видел такие картины в Троицком Островоезерском и Абабковском Георгиевском монастыре. В особенности полюбилась владыке своим уединенным и в высшей степени живописным местоположением Высокогорская пустынь, близ г. Арзамаса. Сюда преосвященный думал удалиться на покой, и с этой целью на восточной стороне обители начат был постройкой небольшой каменный корпус с домовою церковью св. Тихона Задонского. Не медлил уже теперь с разрешением этого вопроса и сам владыка. 3 мая 1857 года он, чувствуя ослабление сил физических, главным же образом влекомый «всюду присущим ему желанием окончить дни свои в уединенном житии», просил Синод уволить его от дел епархиального управления. На этот раз прошение его было исполнено: указом от 17 июня он был уволен на покой, с пенсией в 1000 руб., с поручением ему управления, на правах настоятеля, Печерского монастыря, очень напоминающего собою Киевский Выдубицкий, в котором владыка некогда настоятельствовавал. Получив указ об увольнении, преосвященный сел в карету, уехал в Печерскую обитель и не возвратился уже назад. Так сошел он с престола святительского в безмолвие отшельнической кельи.

IV.

Жизнь на покое. Литературные занятия. Последние дни жизни.

Кончина и погребение²¹.

В Печерской обители он занял самое скромное помещение, в келлиях, при храме Покрова Пресвятой Богородицы, в которой он нередко совершал и священнослужение, при участии одного иеродиакона и послушника. Верный канонам церкви, он настолько простер свое смирение, что уже никогда не священнодействовал как архиерей, а как простой священник. Когда же не служил в своей келейной церкви, тогда ходил на общее богослужение в монастырскую церковь, становясь где-либо в уголке алтаря, и стараясь выйти из него незамеченным богомольцами. Его дорога была только в церковь и кел-

²¹ Ставропольские епархиальные ведомости. № 13. 1907 г. 1 июля. С. 711-720.

лию; даже за стены монастыря он не позволял себе выйти; в келлии даже не подходил к окну, чтобы видеть обитель. Единственным украшением ее было резное Распятие и небольшая Владимирская икона Богоматери – благословение его родителей, образ любимого им святителя Димитрия Ростовского и живописные портреты митрополита Киевского Филарета и старца Серафима Саровского. Пребывая близ бывшего своего престольного града, преосв. Иеремия вел отшельнический образ древних великих подвижников, и как нельзя наиболее к нему подходит усвоенное ему имя святителя-отшельника. Но и эти подвиги не удовлетворяли еще души подвиголюбивого святителя: горящий дух его, неудержимо стремившийся ко Господу, побуждал его искать еще большего совершенства нравственного. В его дневнике под 8 января 1858 года записано следующее: «вчера, по молитве Господу моему Иисусу Христу, на Иордане явльшемуся, и также, помолясь святому Иоанну Крестителю, некою особенною моему окаянству приличною молитвою, возжелал и пред ними духом и усты моими изрек желание мое принять схиму, аще благоволит на сие Господь, с переименованием во Иоанна, аще не отринет великий и святой Иоанн Предтеча, чтобы с именем его явился я туда, в вечность. Исполняяй во благих желания прибегающих к Тебе, Господи, исполни сие мое желание, во время свое». И желание его исполнилось; в 1860 году преосвященный пострижен был келейным образом в св. схиму и назван Иоанном. Пострижение его совершал уважаемый нижегородцами и самим владыкой духовный отец его – подвижник иеросхимонах Мордарий.

Вначале мирная и безмятежная жизнь на покое святителя в Печерском монастыре, с назначением Нижегородского викария, епископа Поликарпа (Гонорский), представляла собою ряд напастей и незаслуженных оскорблений, которые Поликарп устраивал преосвященному отшельнику так, что последний, радея о его мире душевном, переселился в Феодоровский Городецкий монастырь, в 50 верстах от Н.-Новгорода, вверх по Волге, известный в истории кончиною в стенах его св. Александра Невского, где владыка провел несколько лет такой же подвижнической жизни, пока, наконец, не переселил-

ся в Нижегородский Благовещенский монастырь, в котором и почил о Господе. Но где бы он ни жил, первым его движением было устройство для себя могилы. В Печерском монастыре, в нижнем этаже Успенской церкви, он устроил и освятил храм преподобных Антония и Феодосия Печерских. В этом храме думал он возлечь на вечный покой, но могилу преосвященного занял впоследствии вышеупомянутый иеросхимонах Мордарий; в Феодоровском монастыре для него ископана была могила в храме св. великомученика Феодора Стратилата; в Благовещенском – он уготовал себе место в храме св. Алексия, митрополита Московского. Смотря на эти могилы, старец-святитель воспоминал о неизбежном часе смерти и умилялся духом; задолго до кончины он приготовил себе и гроб и погребальные одеяния, будучи готовым умереть каждую минуту.

Из своей отшельнической кельи он зорко следил за церковно-общественной жизнью. Радости родной земли приносили ему тихую и святую радость, печали ее – подвизали святителя к молитве усердной. Он писал из своего затвора о необходимости прекращения в Ростове-Ярославском ярмарки, как известно, продолжающейся всю первую неделю св. четырехдесятницы, на другое более удобное к тому время; заботился об установлении повсеместного празднования св. Михаилу, митрополиту Киевскому, как крестителю русской земли. Ему писали, обращались за советами и указаниями, посещали лично наши архипастыри. Сам великий Филарет, при увольнении преосв. Иеремии на покой, сказал посетившему его иеромонаху Макарию (впослед. архиеп. Донской, † 24 дек. 1894 г.): «жаль, что преосв. Иеремия уходит так рано на покой: в таких епископах теперь в особенности нуждается церковь». Получаемую пенсию владыка всю без изъятия употреблял на дела благотворения: его лепты шли и в далекий Алтай, и на Кавказ, и в Полтаву, и в Орел, и в Нижегородскую семинарию, и в губернскую мужскую гимназию. Он учредил несколько стипендий, но ни одну не назвал своим именем, а именами близких к нему по духу лиц: Антония и Феодосия (Печерских), Сергия (Радонежского), Дмитрия (Ростовского), Серафима (Саровского), Иа-

кова (Нижегородского), Иннокентия (Херсонского). Приходившим к нему за благословением лицам он высылал через келейного книги духовно-нравственного содержания, чаще всего Евангелия на русском языке и изображения на атласе св. великомуч. Пантелеимона, или иконы Богоматери, именуемой «Скоропослушницей». Нестязательность его дошла, если так можно выразиться, до совершенного обнищания. Преосвященный раздавал все, что представляло собою хотя бы какую-либо ценность: книги, иконы, кресты, панагии то в учебные заведения, то в дар храмам и обителям. Он не желал оставлять для себя ничего: отрекшись от мира, порвав с ним почти всякую внешнюю связь, непрестанно молясь о всем человечестве, и только в весьма редких случаях и для немногих лиц, открывая дверь отшельнической своей келлии, владыка духом жил уже за пределами земли: к небу стремилась его душа, неудержимой любовью ко Господу пылало его сердце. Он желал скорейшего разрешения от уз плоти, как часа вожделенного. Смирение его было глубоко и трогательно. Почасту призывая к себе духовника иеромонаха Серафима, инока-простеца, которому, впрочем, нельзя было отказать в некоторой начитанности, святитель смиренно просил его: «отче, скажи мне слово на пользу души», и после смиренно и внимательно слушал бесхитростную речь иеромонаха, поучавшего святителя, бывшего ректора академии. Удивительно-ли, что при таком настроении подвижник стяжал дар молитвы?! Смело можно сказать, что все те 27 лет, которые святитель провел после своего удаления на покой, были непрерывным молитвенным подвигом. Вскоре по кончине его я видел св. иконы и литографированные изображения, оборотные стороны которых были исписаны самыми мельчайшими письменами: здесь святитель изливал молитвенные чувства своей души к изображенным на них. В особенности это должно сказать об иконе св. Димитрия Ростовского, к которому он питал самое благоговейное чувство, с которой никогда не расставался, и собирался было поехать в Ростов на поклонение св. мощам своего святителя, но не выполнил этого намерения, возложив на келейного своего о. Никона († в сане архимандрита и должности эконома С-

Петербургского митрополичьего дома) обязанность быть в Ростове и исполнить его сердечное желание, что последним было свято исполнено уже по кончине старца Божия.

Подражая сему святителю, преосвященный схимник в своем уединении работал немало и пером. Из составленных им душеполезных писаний одни (меньшая часть) были изданы еще при жизни преосвященного отдельными книжками, другие, оставаясь в рукописях, уже по смерти его помещены в некоторых духовных журналах. Он не искал авторской славы и, берясь за перо, служил делу Господню, отражая в своих писаниях дух учения Христова, пророков и апостолов, мысли и характер богопросвещенных отцов и учителей церкви. Все сочинения его распадаются на две группы: истолковательную и вообще нравственно-назидательную и молитвенную. Я не буду входить здесь в подробное рассмотрение его трудов, отсылая желающих к статье протоиерея Ф. Знаменского: Сочинения преосв. Иеремии отшельника²². Приведу здесь лишь названия этих трудов, одно перечисление которых может дать вполне ясное представление о поразительном трудолюбии их преосвященного автора. К первой категории их относятся:

1. Учение святителя Тихона об истинах веры и церкви, извлеченное по преимуществу из творения сего святителя.

2. Изложение христианского учения православныя католическия церкви в письмах.

3. Изъяснительные письма на дни праздников Господних.

4. Уроки из простонародной (иначе сельской) сокровищницы духовной.

5. Врачевство духовное, от мира собираемое, или духовный лечебник.

6. Мудрость.

7. Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России, и устав его о жительстве скитском.

8. Мысленное путешествие в Иерусалим.

²² «Прибавление к «Церковным ведомостям». 1899, № 39. [Примеч. автора].

9. Пояснение Евангелий святых евангелистов и апостолов Матфея и Иоанна Богослова.

10. Изъяснение соборного послания святого апостола Иакова в письмах.

11. Изъяснение блаженств, молитвы Господней и Символа веры.

12. Алфавитный иноческий словарь.

13. Двадцать четыре письма на Кавказ, в коих содержатся часословие святого Иоанна Златоуста и часословие страданий Христовых.

14. Письма в Палестину к поклоннику святых мест.

15. Сборник явлений, чудес и благодатных действий Пресвятыя Богородицы для обращения и спасения грешников.

16. Келейные записки и воспоминания.

Ко второй категории следует отнести:

1. Часословие страданий Христовых с молением Богу Отцу.

2. Часословие страданий Христовых с поклонением Ему – Иисусу Христу, Богу-Сыну.

3. Часословие страданий Христовых с поклонением Богородице.

4. Молитвенное воззвание келейное к святой равноапостольной Марии Магдалине у креста Господня и у гроба Его.

5. Келейная псалтирь пасхальная, или чтение псалмов Давидовых (числом 12) с применением их к торжеству о воскресении Господа нашего Иисуса Христа.

6. Келейная псалтирь Пресвятой Владычице нашей Богородице.

7. Помилуй мя, Боже – у креста Господня.

8. Келейный акафист преподобным Антонию, Феодосию и прочим отцем Киево-Печерским.

9. Канон святителям Мефодию и Кириллу о спасении славян, чрез них просвещенный светом божественного учения.

10. Канон трем святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоустому.

11. Канон трем святителям Димитрию Ростовскому, Митрофану Воронежскому и Тихону Задонскому.

12. Кроме того лично мне известны молитвы его св. великомученику Пантелеимону и св. благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу, основателю Н.-Новгорода. Вообще старец-святитель так был преисполнен молитвенным настроением, что его молитвенные воздыхания рассеяны были всюду: и на клочках бумаги, и на чистых листах, принадлежащих ему книг.

Нижегородцы благоговели пред бывшим своим архипастырем, и хотя не видели его в продолжении 27 лет, но он был жив в их воспоминаниях. Как-то особенно благоговейно-настроенные обращали они взоры свои к двум окнам малой келлии святителя-отшельника, ожидая, не увидят ли они хотя мельком его изможденной фигуры, и, не дождавшись осуществления своих тайных упований, с невольным вздохом, оставляли Благовещенский монастырь. Даже самое имя его произносилось нижегородцами не иначе, как с глубоким благоговением. Я живо помню как во дни моего отрочества и училищной жизни наша квартирная хозяйка рассказывала нам о святителе со слезами на глазах: «О, это – святой архиерей!». – «Что же Е.П., он делает в монастыре?» - спрашивали мы. – «Что делает, с неудовольствием на нашу недогадливость, произносила она: «Богу молится: вот что он там всегда делает». И от дней юности с именем преосв. Иеремии для меня, по крайней мере, связывалось понятие о непрестанных молитвах и суровых аскетических подвигах великого отшельника. Позднее, вступив в монастырь, я неоднократно бывал у келейных преосв. Иеремии. Помню, с каким благоговением смотрел я, бывало, на дверь, отделявшую меня от глубоководного архипастыря, как мне хотелось видеть его, облобызать его святительскую и подвижническую благословляющую десницу, но желанию этому не суждено было осуществиться, так как мои сношения с келейными владыки начались не ранее второй половины 1884 года, когда святитель стал уже сильно изнемогать, и когда стало очевидным для всех его недалекое уже теперь отшествие ко Господу. Дней за десять до его кончины он принял преосв. Палладия, архиеписко-

па Казанского (впоследствии † митрополитом С-Петербургским) и преосв. Нижегородского Макария (бывшего архиепископом Донским), с которым долго беседовал. За три дня до своей блаженной кончины, 3 декабря, приглашал он к себе духовного отца своего, Благовещенского иеромонаха Серафима и, после краткой исповеди (преосв. Иеремия во время болезни был много раз исповедан и приобщен, а также принял таинство св. елеосвящения), просил прочесть канон молебный на исход души. До последнего смертного вздоха он сохранил твердость мысли и сознания. Последние слова его были: «пора домой». Жизнь его угасла тихо и спокойно, без всяких видимых признаков смертной агонии, 6 декабря 1884 года, в 11 ½ часов дня.

Искренним желанием почившего святителя было желание быть погребенным в схиме, но преосв. Макарий распорядился облечь в схимонашеские облачения, а сверху возложить святительские облачения, в каковом виде он и предан был земле 9 декабря преосвященными епископами: Макарием и Поликарпом, в сослужении едва ли не всего Нижегородского городского духовенства, при печальном перезвоне колоколов всех церквей г. Н.-Новгорода. Почти во всех учебных заведениях нижегородских совершены были заупокойные моления о упокоении души новопреставленного святителя в небесных обителях, а в день погребения его не только монастырь был переполнен народом из всех классов общества, но и стены обители, и возвышающаяся над ним гора, были сплошь усеяны людьми, желавшими в последний раз

взглянуть на святителя-отшельника, в последний раз являющегося своей пастве перед тем, как сойти в недра земли.

Подвижнические останки преосв. Иеремии нашли себе последнее по-
смертное успокоение под сводами Алексеевского храма обители, в правом
приделе его в честь иконы Богоматери-Скоропослушницы, у юго-западной
стены его, где впоследствии усердными почитателями святителя над моги-
лою его возложена мраморная плита с соответствующей надписью, обнесен-
ная бронзовою решеткой, и где часто раздаются надгробные песнопения о
почившем архипастыре, память которого доньше свято чтится нижегородца-
ми и приезжающими сюда лицами, жителями других городов. И стоя у прис-
ночтимой могилы святителя Иеремии невольно вспоминаются заключитель-
ные слова его предсмертной хартии, заменившей его духовное завещание:
«желаю, и прошу, и молю, и завещаваю, чтобы по мне не было для имуще-
ства моего исканий, переписки, вызовов. Ибо, какие были у меня стяжания,
они отданы мною на Кавказ, в Полтаве и здесь, между прочим, на содержа-
ние нескольких питомцев (Антониевых, Феодосиевых, Смарагдовых, Димит-
риевых, Сергиевых, Серафимовых, Иаковлевых, Иннокентиевых), коих сми-
ренно повергаю в милость и благоустроение Промысла Божия для пользы
церкви, матери моей и в некую отраду моей грешной и убогой душе в день
он...».

Спи же с миром, святитель Божий, и да не престанет молитва твоя о
людях паств твоих: Ставропольской, Полтавской и Нижегородской, да ими
же весть судьбами спасет и помилует всех их Господь, и да умирит жизнь
нашу, волнуемую ветрами суемудрых учений.
